

КРАСНАЯ ДАТА

АЛЕКСАНДР АКИНЬШИН

ПЕРВЫЕ ПЕДАГОГИ ВОРОНЕЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

АРХИВНАЯ МОЗАИКА

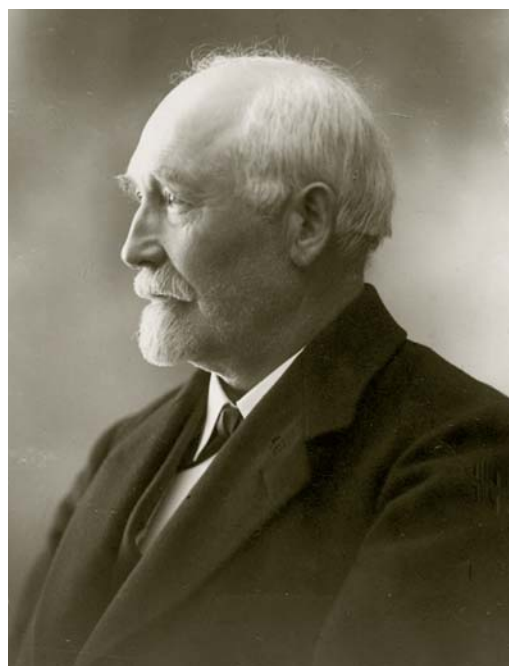
*М*не дважды доводилось писать в нашем альманахе о воронежском студенчестве двадцатых годов (вып. 6 и 9). В форме архивной мозаики перед читателем прошли почти полсотни самых разных лиц. Сейчас настала пора в такой же форме представить педагогов ранней поры университетской жизни. Речь в первую очередь пойдет о малоизвестных, но любопытных персонажах. Не все из них работали в Воронеже долго, но свой след оставили. Личных дел преподавателей ВГУ довоенного времени сохранилось в архиве всего лишь 107. И все они принадлежат людям, работавшим на медицинском факультете. Поэтому не удивляйтесь, если в моем очерке медики будут преобладать.

Начнем с начала, т. е. с «юрьевцев».

Среди тех, кто приехал в Воронеж летом 1918 года, был уже немолодой доктор медицины **Генрих Иванович Коппель** (29.12.1863–16.12.1944). Уроженец Феллинского уезда Лифляндской губернии, он в 1890 году окончил медицинский факультет тогда еще Дерптского университета и уже в следующем году получил степень доктора медицины. Ассистент, приват-доцент, директор университетской поликлиники, профессор кафедры внутренних болезней – таков был его послужной список в Юрьевском университете. 20 сентября 1918 года он был избран профессором кафедры частной патологии и терапии ВГУ (позднее кафедра госпитальной терапии). С ноября стал исполнять обязанности директора клиники кожных и венерических болезней. Полтора года проработал Г.И. Коппель в Воронежском университете. Тяжелыми были эти годы, кругом шла война, людей косили голод и болезни, тиф в первую очередь. Десятки его коллег нашли последнее пристанище в Воронеже.

После того как Советская Россия подписала мирный договор с Эстонией, появилась возможность

восстановления Юрьевского университета (в связи с переименованием Юрьева в Тарту он стал называться Тартуским). Эстонцы могли беспрепятственно вернуться на родину. В феврале 1920 года прошение об увольнении из Воронежского университета подал Генрих Коппель (ГАВО. Ф. Р-33. Оп. 3. Д. 24). На родине Коппель сыграл большую роль в организации национального движения и создании эстонского университета. В Тарту он был избран ректором возрожденного университета и занимал эту должность с небольшим перерывом до 1937 года. В 1927 году Коппель был избран почетным доктором старейшего в Скандинавии шведского университета в Уппсале и Латвийского университета. Умер Генрих Иванович в Таллине, похоронен в Тарту.

Генрих Иванович Коппель

Надежда Алексеевна
Добровольская

Н.А. Добровольская – женщина-врач, первая в России
получившая звание приват-доцента, читает лекции слушательницам
Женского медицинского института

Лишь одной строчкой в истории кафедры хирургии нынешнего медицинского университета отмечено имя **Надежды Алексеевны Добровольской** (13.09.1878–31.10.1954). В ее биографии немало «темных» пятен. Неизвестно даже точное место ее рождения, в качестве вариантов называются Киев или город Казатин Бердичевского уезда Киевской губернии. Происходила она из дворянской семьи, окончила Фундуклеевскую гимназию в Киеве, Женский медицинский институт в Петербурге (1904). В течение трех лет работала земским врачом в Вятской губернии, но сведений о ее службе там, к сожалению, не отыскалось. В 1907 году Надежда Алексеевна возвращается в столицу и преподает на кафедре оперативной хирургии Женского мединститута. В 1911 году стала доктором медицины, защитив диссертацию «К учению о влиянии кровопотерь на пищеварительные процессы».

Летом 1917 года Добровольская баллотировалась в Учредительное собрание по списку социал-демократической группы «Единство» (меньшевики-оборонцы). Авторитетный биографический словарь «Российское зарубежье во Франции» сообщает, что Добровольская состояла ординарным профессором Юрьевского университета. Однако это не так. Обратимся к ее личному делу, сохранившемуся в фонде ВГУ (ГАВО. Ф. Р-33. Оп. 3. Д. 18).

15 марта 1917 года Добровольская подала прошение об избрании на должность приват-доцента Юрьевского университета по кафедре хирургической патологии и оперативной хирургии. В ее повторном прошении от 24 апреля того же года речь шла уже о кафедре хирургии. 13 сентября в университете была создана комиссия для рассмотрения

научной значимости трудов Добровольской в составе профессоров Вернера Цеге фон Мантейфеля, Николая Бурденко и Александра Люткевича. Позднее первого заменили Сергей Михнов и Александр Яроцкий. Но собралась ли комиссия, из дела не ясно. Скорее всего – нет, потому что еще год Надежда Алексеевна по-прежнему работала в Женском медицинском институте. 14 октября 1918 года она подает прошение об избрании профессором кафедры хирургической патологии Воронежского университета. 2 ноября вновь создается комиссия, на этот раз в составе профессоров Николая Бурденко, Ивана Георгиевского и Вячеслава Афанасьева. Мнение комиссии для претендентки было благоприятным, хотя и не скорым. Избрание Добровольской на вакантную кафедру хирургической патологии с десмургией (*десмургия – раздел медицины, изучающий правила лечения ран, технику наложения повязок и шин*) и учением о вывихах и переломах состоялось лишь 27 февраля 1919 года. Ученый совет университета согласился с этим избранием 6 марта (23 голоса «за», 3 – «против»).

Находилась ли в этом время Добровольская в Воронеже или нет, мы не знаем. Точно можно быть уверенным, что в начале апреля она здесь уже была. 6 апреля 1919 года в аудитории детской клиники (ул. Грузовая, д. 6) она прочитала вступительную лекцию, выбрав тему «Война и хирургическая патология». С этого момента Надежда Алексеевна приступила к работе. В дореволюционную пору на каждой кафедре был лишь один профессор, который и являлся заведующим. Таким образом, доктор медицины Добровольская стала заведовать кафедрой хирургической патологии в составе медицинского

Михаил Никитич Крашенинников. Фото до 1917 года

факультета ВГУ. Везде она упоминается как первая в России женщина-хирург, заведующая кафедрой.

Работала Добровольская в Воронеже несколько месяцев. В некоторых студенческих матрикулах есть ее подпись. В середине июля 1919 года она была направлена на два месяца в командировку в Москву и Петроград «для закупки книг, предметов лабораторного и клинического оборудования и для производства работ для подготовки учебных пособий для кафедры хирургической патологии». Командировочные ей не выплачивались, но жалование сохранялось. Подобные поездки профессоров были обычным делом для ВГУ, поскольку новый университет не имел необходимого оборудования и пособий для ведения занятий.

В Воронеж Н.А. Добровольская не возвратилась. Мы не знаем, побывала ли она действительно в столицах или сразу отправилась на Дон, где в составе Добровольческой армии воевал ее муж, прапорщик Вениамин Завадский. Вместе они отступали до Крыма, откуда в ноябре 1920 года были эвакуированы в Египет. Оттуда в 1921 году супруги переехали во Францию. В Воронежском университете не были осведомлены о местопребывании Добровольской и в мае 1920 года еще продолжали ждать ее возвращения. Ее ассистент Николай Романович Австриц не находил себе применения и жаловался на профессора Бурденко, который отказывался от его услуг, и в августе 1920 года уволился из ВГУ «в связи с отъездом на родину».

В Париже Н.А. Добровольская не могла вести врачебную практику, поскольку для этого требовался диплом французского института. Она занималась исследовательской работой в Пастеровской лаборатории Радиевого института, а с 1940 года возглавила эту лабораторию. В России она была известна как специалист в области сосудистой хирургии, во Франции изучала влияние радиации на живые организмы, затем перешла к генетике и онкологии, в чем достигла крупных успехов. В 1937 году она удостоилась первой премии французской Академии наук за исследования в области наследственности рака. Умерла Надежда Алексеевна во время поездки на конференцию в Милан, там и похоронена. Как отмечает в своих воспоминаниях профессор Василий Зеньковский, она принимала деятельное участие в жизни эмигрантских организаций.

Муж Добровольской – Вениамин Валерианович Завадский (09.09.1884–12.07.1944) – стал в эмиграции довольно известным писателем (под псевдонимом В. Корсак). Его перу принадлежат романы «Великий исход», «У белых», «У красных» и др. В биографии Завадского значится, что он окончил гимназию в Воронеже, но подтвердить это местными источниками я пока не могу.

В числе юрьевцев, прибывших в Воронеж, был **Михаил Никитич Крашенинников** (04.01.1865–21.01.1932). Уроженец Новгорода, выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, профессор кафедры древнеклассической филологии и истории литературы Юрьевского университета. Известность он приобрел как переводчик и исследователь сочинений византийского историка Прокопия Кесарийского. В Воронеже с июля 1918 по 1 сентября 1929 года Крашенинников занимал профессорскую должность, первоначально по кафедре классической филологии и древней истории. В 1921 году он читал в ВГУ следующие общие курсы: история греческой литературы, история античного искусства, греческая палеография; спецкурсы: греческая эпиграфика, «Гораций», «Геродот», «Теренций». Одновременно в 1920–1922 годах Крашенинников преподавал в Воронежском отделении Московского археологического института, где читал лекционные курсы по греческой палеографии и эпиграфике.

С осени 1920 года в Воронеже под председательством М.Н. Крашенинникова существовал местный отдел «Общества по исследованию памятников древности имени А.И. Успенского», два года спустя преобразованный в Историко-археологическое общество. После ликвидации отделения Археологического института при губернском музее были

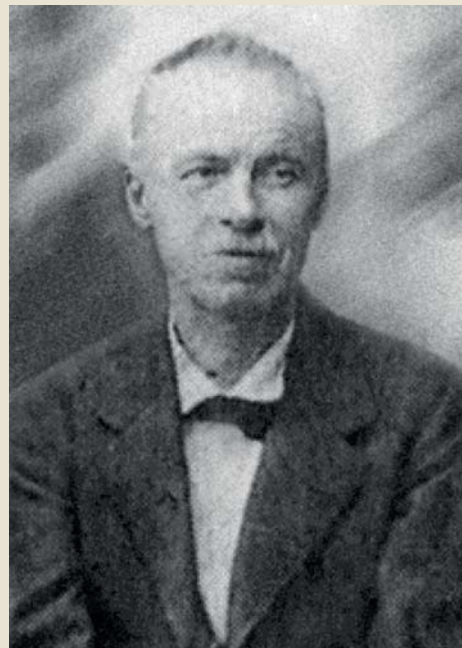
созданы историко-археологические курсы. 15 октября 1922 года на курсах выступил Крашенинников с докладом «Новая интерпретация так называемой Венеры Милосской».

В 1924 или 1925 году директор Ватиканской библиотеки профессор Джованни Меркати через приезжавшего в Рим профессора Тифлисского университета (бывшего юрьевца) Григория Церетели передал Крашенинникову приглашение занять, в случае если ему придется покинуть СССР, место в Ватиканской библиотеке. На это приглашение, по словам ученого, он никак не откликнулся, но сам факт связей с границей был позднее поставлен ему в вину, так же как и общение с доцентом кафедры русской истории С.Н. Введенским (1867–1940), которого позднее чекисты «назначили» руководителем контрреволюционной организации. С 1 сентября 1926 года Крашенинников был профессором кафедры общего языкознания и читал лекции по истории западноевропейской литературы. Следует сказать, что его преподавательская деятельность в 1920-е годы в полной мере не изучена из-за отсутствия источников. Лишь на допросе 16 ноября 1930 года, говоря о своем лояльном отношении к советской власти, Крашенинников счел нужным отметить: «Только по вопросам, касающимся народного образования, особенно высшего, я должен сказать, что вместо ныне практикуемой системы в вузах я предпочел бы, чтобы студентов в возможно меньшей степени нагружали общественной работой, оставляя им побольше времени для занятий по избранным ими специальностям».

Приведу протокол допроса М.Н. Крашенинникова от 22 ноября 1930 года (*написан собственноручно, внизу листа надпись: «Допр[осил] Иванов».* – курсив автора) как показатель идеологической борьбы в ту пору с настоящей наукой:

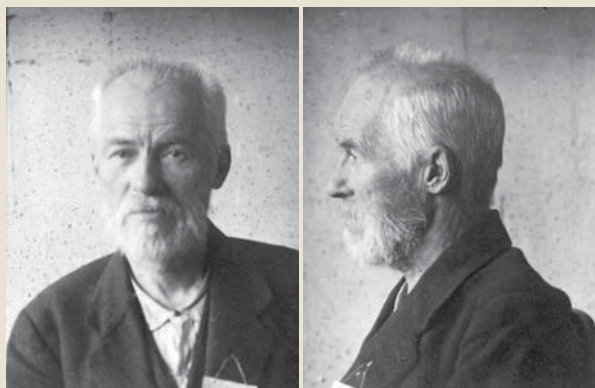
«4 июня 1929 г. происходило открытое заседание в ВГУ под председательством ректора т. Сапожникова, на котором мною был сделан отчетный доклад о моей деятельности в ВГУ как профессора общего языкознания, читавшего, кроме того, по поручению педфака лекции по истории западноевропейской литературы. В самом же начале своего доклада я заявил, что вследствие некоторых весьма неблагоприятных условий, создавшихся в ВГУ главным образом с весны 1929 г. по инициативе тогдашнего декана педфака т. Дернова, я вынужден отказаться от мысли продолжить свою службу в ВГУ и потому твердо решил выйти в отставку с осени того же 1929 г.

Затем в речи, продолжавшейся более двух часов, я подробно ознакомил слушателей с методами своего преподавания как общего языкознания, так и истории зап[адно]европ[ейской] литературы, с со-

Михаил Никитич Крашенинников. 1925 год

ставленными мною и одобренными Наркомпросом программами обоих вышеназванных научных дисциплин и т.д., причем пояснил, что в области *общего языкознания* не могло быть и речи о марксистском преподавании этой науки уже потому, что до сих пор не имеется марксистских обработок общего языкознания. Что же касается *истории зап[адно]европ[ейской] литературы*, то ее я преподавал, хотя сам я и не принадлежу к числу марксистов, таким образом, что общее направление было безусловно марксистским: программы были марксистскими (что, кстати сказать, во время прений, последовавших за моим докладом, совершенно безуспешно пытались отрицать т.т. Тарадин и Дернов), пособия мною рекомендовались по преимуществу марксистские (Луначарского, Когана, Фриче). Я вполне добросовестно знакомил своих слушателей со всеми марксистскими объяснениями различных историко-литературных явлений, но в тех (в общем *немногочисленных*) случаях, когда мне казалось неправильным то или иное решение какой-либо историко-литературной проблемы, предложенное в сочинениях марксистов, я считал своим долгом указывать соответственные недостатки такого решения и, со своей стороны, если это оказывалось возможным, отмечал какое-либо иное решение. Но я никогда не производил какого-либо давления на своих слушателей в том смысле, чтобы требовать от них признания единственно верными только мои собственные объяснения: если кому были более по вкусу критикуемые мною объ-

Михаил Никитич Крашенинников.
Фото из следственного дела. 1930 год

яснения, находившиеся в рекомендованных мною же марксистских руководствах, я не чинил им в этом отношении никаких препятствий и всегда свободно зачитывал их ответы. Сверх того я должен упомянуть, что в своих лекциях я *motu proprio*, т.е. по собственной инициативе, – между прочим и в области общего языкознания – в достаточной мере проводил и *антирелигиозные* воззрения.

Далее в своем отчете я подробно остановился на выяснении тех неблагоприятных условий, которые создались с весны 1929 г. вследствие печатных выступлений против меня т. Дернова и двух анонимов в газете “Красный университет”. Т. Дернов (преподающий в ВГУ *методику математики*) после предварительных замечаний, что де в настоящее время *все без исключения* дисциплины, преподаваемые в вузах, должны быть “*пронизаны*” *ленинизмом и марксизмом*, выступил против меня с обвинением, что де я провожу “*лженаучные течения*”, – но никаких конкретных примеров таких “*лженаучных течений*” не привел, сославшись на отзывы обо мне в “*прессе*”, – а этой “*прессой*” в данном случае являлся “*Красный унив[ерситет]*”, где в том же (если не ошибаюсь) или в предыдущем № были напечатаны две статейки, из коих одна, подписанная “*Студенты*”, а другая каким-то псевдонимом – приписывали мне такие взгляды и отзывы об авторах рекомендованных мною марксистских пособий, – каких я никогда не проводил в своих лекциях. Выступая таким образом в роли моего обвинителя, т. Дернов, а кроме него и т. Тарадин (по своим специальностям столь же далекий, как и т. Дернов, от обоих дисциплин, преподававшихся мною в ВГУ), выявили свое полнейшее незнакомство с общим языкознанием, которое, как я уже имел случай упомянуть выше, до сих пор еще не получило марксистской обработки. В своем докладе я это подчеркнул и предложил обоим вышеназванным марксистам дать со своей сто-

роны какое-либо марксистское объяснение любому факту, входящему в сферу общего языкознания, – и для примера предложил им *марксистски* объяснить мне такие факты из жизни языка, как *фонетические и нефонетические изменения* звуков. На это я получил от т. Тарадина буквально следующее “*объяснение*”: “*Объяснить это можно очень просто: переселение, расселение*” (и только!), а т. Дернов заметил, что де “*объяснение таких явлений можно найти в брошюре Трахтенберга*”, причем он не дал никаких объяснений, какую именно “*брошюру Трахтенберга*” он имеет в виду, а равно и не привел никаких цитат из этой (*не существующей*) “*брошюры*”. Какую цену могли иметь подобные “*марксистские*” объяснения, легко было понять и всей публике, наполнявшей аудит [орию] № 6 и не бывшей в состоянии удержаться от дружного смеха, когда я подверг легкой критике эти “*марксистские*” экскурсии двух профанов в совершенно незнакомую им область общего языкознания.

Не более удачными оказались и попытки тех же т.т. Дернова и Тарадина опорочить составленные мною и одобренные Наркомпросом *программы по истории зап[адно]европ[ейской] литературы*. Они утверждали, что эти программы вовсе не имеют марксистской окраски. Но и эти программы были взяты мною на данное заседание, и оглашение их также вполне убедило присутствовавших в совершенной неосновательности возражений т.т. Дернова и Тарадина.

Вообще, я не оставил без соответствующих возражений и опровержений ни одного даже мелкого замечания моих оппонентов, и публике в тот вечер пришлось немало посмеяться, когда я выставлял на вид странность выступлений этих оппонентов. Только по поводу заключительной речи т. Сапожникова я не имел возможности выступить с ее критикой, хотя и многое имел возразить против мыслей, высказанных т. Сапожниковым.

Т. Сапожников, очень лестно отозвавшийся обо мне как об “*очень умном и остроумном человеке*”, заметил, что все же я “*как не-марксист*” не пригоден для занятия кафедры, – и в то же время он признал, что марксистской обработки общее языкознание еще до сих пор не получило и что она есть дело будущего. Я же полагаю, что один умный и научно образованный *не-марксист*, при добросовестном и объективном отношении к делу, может и при преподавании *марксистских* дисциплин принести гораздо больше пользы, чем десятки “*марксистов*”». (ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 16967. Т. 3. Л. 393–394).

5 ноября 1930 года М.Н. Крашенинников был арестован по «делу краеведов», приговорен к высылке на пять лет в Северный Казахстан, где вско-

ре умер в Карагандинском лагере. Он был не единственной жертвой среди сотрудников ВГУ. Только по одному с ним делу к пяти годам лагерей были приговорены: бывший хранитель музея изящных искусств Николай Максимович Беззубцев, доцент педфака Сергей Николаевич Введенский, заведующий учебной частью рабфака Ардалион Михайлович Девицкий (в лагере получил еще 10 лет), преподаватели рабфака Сергей Николаевич Коноров и Тихон Митрофанович Олейников, преподаватель факультета общественных наук Сергей Антонович Петровский, профессор педфака Алексей Михайлович Путинцев, десятник по ремонту университетских зданий Петр Федорович Федоров, к трем годам – профессор педфака Герман Андреевич Замятин. А преподаватель рабфака, бывший директор реального училища Всеволод Александрович Бекенев был приговорен к расстрелу... Не миновала эта чаша Сапожникова и Дернова, расстрелянных в мае 1937 и в июне 1938 года.

Вновь созданный в провинции университет в то бурное время привлекал педагогов из разных городов. Не была исключением Москва, откуда приехал **Лазарь Израилевич Фогельсон** (04.07.1890–10.06.1979). Уроженец Витебска, окончил местную гимназию, затем с отличием медицинский факультет Московского университета (1913). Четыре года работал на Высших женских курсах в клинике профессора Дмитрия Плетнева (будущего «врача-убийцы» из Третьего московского («бухаринского») процесса 1938 года). В 1918 году был призван в Красную армию, где занимал различные врачебные должности, последняя из которых – главный врач размещавшегося в Воронеже 759-го госпиталя. С апреля 1921 по июнь 1923 года Лазарь Иосифович занимал должность помощника прозектора на кафедре фармакологии ВГУ. Уволился в связи с возвращением в Москву.

С 1926 года Фогельсон был заместителем директора Медико-биологического института. В 1927 году побывал в научной командировке в Германии и Австрии. Он активно внедрял в медицину новые методы диагностики, в частности – электрокардиографию. Его книга «Основы клинической электрокардиологии» (1929) трижды переиздавалась. За монографию «Болезни сердца и сосудов» Фогельсон в 1935 году получил степень доктора наук и звание профессора. С 1933 года он руководил отделением функциональной диагностики при Кремлевской больнице. Своим учителем Фогельсона считала печально известная по «делу врачей» 1953 года Лидия Тимашук. Сам Лазарь Израилевич избежал тогда ареста, который коснулся многих его коллег и дру-

Лазарь Израилевич Фогельсон
в годы Первой мировой войны

Лазарь Израилевич Фогельсон
с женой Анной Львовной и дочерью Ольгой.
1940-е годы

Анатолий Абрамович Ашман с семейством Вороновых. Слева направо: сидят – гимназист Анатолий Ашман, Абрам Воронов, Рахиль Воронова, Марианна Ашман (в замужестве Филиппова); стоят – Александр Воронов, Серж (Самуил) Воронов, неизвестная

зей. Он работал до преклонных лет. Его дочь Ольга (1924–1977) была женой известного поэта-фронтовика Давида Самойлова. Их сын, писатель и переводчик Александр Давыдов, написал воспоминания о своем знаменитом деде.

Анатолий Абрамович Ашман (04.08.1894–16.01.1964) был уроженцем Воронежа. Его мать, Анна Абрамовна Воронова (1875–1957), – родная сестра скандально знаменитого врача-экспериментатора Сергея Воронова, послужившего прообразом профессора Преображенского в «Собачем сердце» Михаила Булгакова. Связь семей Вороновых и Ашманов с Воронежем пока еще не раскрыта до конца и может таить многие любопытные детали из жизни еврейства вне пределов «черты оседлости». Анатолий Ашман окончил вторую мужскую гимназию и поступил на медицинский факультет Харьковского университета. Суровые условия гражданской войны заставили его в 1918 году перевестись на второй курс в ВГУ. С 1919 года он учился в Крымском университете: возможно, покинул Воронеж с белыми, надеясь оказаться во Франции, где давно жил его дядя (сам же он объяснял пребывание в Крыму состоянием здоровья). Так или иначе, но Ашман возвратился в Воронеж в 1921-м и в следующем году завершил учебу на медицинском факультете ВГУ (ГАВО. Ф. Р-33. Оп. 3. Д. 1319). С декабря 1923-го по январь 1930 года работал ассистентом на кафедре акушерства и гинекологии ВГУ, публиковался в научных журналах. Здесь в октябре 1929 года он женился на Галине Абрамовой и несколько месяцев спустя переехал в Куйбышев. В тамошнем медицинском институте проработал более тридцати лет, стал кандидатом медицинских наук. Недавно умерший его сын Александр был известным невропатологом.

Имя **Владиславы Ивановны Лацевской** (30.08.1894–31.05.1984) всегда находится в тени ее знаменитого мужа, профессора Бориса Михайловича Козо-Полянского. В последние годы ее имя появилось лишь в исследовании о семье Ростроповичей и книге по истории педагогического института, где она трудилась много лет.

Владислава родилась на станции Грязи Тамбовской губернии в семье железнодорожника. Ее мать, Вильгельмина Александровна Пуле, была родной сестрой Матильды Ростропович, бабушки всемирно известного виолончелиста и дирижера Мстислава Ростроповича. В 1912 году Владислава с золотой медалью окончила Мариинскую гимназию, в 1915-м поступила на естественное отделение физико-математического факультета Московских высших женских курсов. 19 октября 1918 года в Воронеже курсистка вышла замуж за Бориса Михайловича Козо-Полянского (08.01.1890–21.04.1957), представителя дворянской семьи с польским корнями. Пер-

Анатолий Абрамович Ашман с женой Галиной Абрамовой

воначально он был преподавателем и хранителем Ботанического музея Сельскохозяйственного института, а с 1920 года – Воронежского государственного университета. В 1937 году он организовал и стал бессменным руководителем Ботанического сада ВГУ, который сейчас носит его имя. Редкий случай – Борис Михайлович избран членом-корреспондентом Академии наук СССР в 1932 году, не будучи еще доктором наук. Эту степень ему присудили без защиты два года спустя. Козо-Полянский интересовался историей ботаники, печатался в различных краеведческих изданиях. Библиография его публикаций приведена в многотомном словаре «Русские ботаники» (1952). В 1920–1930-е годы, наряду с академическими штудиями, он увлекался коллекционированием книжных знаков. Борис Михайлович обращал на себя внимание и внешностью: рано облысевший, с блестящей, как шар, крупной головой.

Вот такой незаурядный человек был мужем Владиславы Ивановны. Но она и сама стала крупным ученым. Выйдя замуж, в Москву она уже не возвратилась. Учебу Лащевская завершила в 1922 году на естественном отделении физико-математического факультета ВГУ (ГАВО. Ф. Р-33. Оп. 3. Д. 13207). С 1919 года, одновременно с учебой, она стала работать: сначала ассистентом на Высших агрономо-экономических курсах, затем на повторительных курсах для учителей. В августе 1920 года началась ее преподавательская деятельность на кафедре морфологии, систематики и географии растений в ВГУ. Как и Борис Михайлович, она занималась ботаникой. Их семейные отношения были непростыми. Почти всю жизнь они прожили раздельно (в 1928 году, когда родилась дочь, Борис Михайлович жил в квартире жены по адресу: ул. 9 Января, д. 21, кв. 1), хотя и продолжали официально состоять в браке. Несколько лет Владислава Ивановна пользовалась фамилией Лащевская-Козо-Полянская, а потом, до конца своих дней, – только Лащевская.

С 1931 года основным местом работы В.И. Лащевской стал Воронежский педагогический институт, где она организовала кафедру ботаники, хотя и в ВГУ она продолжала в 1932–1934 годах заведовать кафедрой низших растений. В 1938 году в Ленинградском университете Владислава Ивановна защитила кандидатскую диссертацию, три года спустя в Воронеже – докторскую. В мае 1942 года ее утвердили в степени доктора биологических наук. Военное время она описала подробно в автобиографии: «Когда немецкие варвары двинулись в сторону Воронежа, была получена телеграмма Правительства от 16 октября 1941 г. о переводе Пед[агогического] ин[ститу]та и университета в Сталинск. Было уло-

Владислава Ивановна Лащевская

жено самое ценное имущество, нужное для развертывания работы, в основном это были микроскопы, аппаратура, справочники. Но Облсполком эвакуировал нас спешно 27 октября 1941 г. в Алма-Ату. Ехали 2 месяца. Работала в ботаническом саду Казахского филиала Академии наук СССР в Алма-Ате (14 января 1942 – 6 апреля 1944 гг.) старшим научным сотрудником. С 27 апреля 1944 г., когда возвратилась в освобожденный Воронеж Пед[агогический] ин[ститу]т, вернулась восстанавливать кафедру ботаники, восстанавливала родной Воронеж».

Лащевская заведовала кафедрой еще тринадцать лет. 21 апреля 1957 года умер Козо-Полянский, а через неделю, 27 апреля, она ушла на пенсию. Оставаясь беспартийной, Владислава Ивановна пользовалась не только научным, но и общественным признанием. Ее неоднократно избирали депутатом городского совета (1934–1939, 1947–1957). В октябре 1953 года она была награждена орденом Ленина – случай, достаточно редкий для ученого, не обремененного административными постами.

Об **Александре Николаевиче Татарчукове** (16.10.1885–28.10.1937) я писал как о студенте юридического факультета. Учиться ему довелось несколько месяцев, поскольку факультет закрыли (ГАВО. Ф. Р-33. Оп. 3. Д. 16347). В свое время, после окончания Острогжской гимназии, он учился на юридическом факультете Московского (1903–1904), Петербургского (1904–1905) и Новороссийского (1907–1908) университетов. До революции был шесть раз арестован, находился в тюрьмах и ссылках. Был гласным Воронежской городской думы,

Александр Николаевич Татарчуков

избран летом 1917 года по списку меньшевиков. С 1918 года отошел от политической деятельности, рядовым солдатом воевал в Красной армии в годы Гражданской войны. В течение почти двадцати лет Татарчуков преподавал в воронежских вузах, основываясь на своих знаниях и жизненном багаже.

С 1921 года, по совместительству работая в губернском статистическом бюро, Александр Николаевич постепенно становится одним из ведущих в Воронеже ученых в сфере экономической географии и статистики. На педагогическом факультете ВГУ читал лекции по политической экономике и теории статистики. С середины 1920-х годов он одновременно возглавлял секцию экономического районирования губернской плановой комиссии, входил в правление губернского краеведческого общества, публиковал десятки книг и статей. После того как педагогический факультет выделился в 1931 году в самостоятельный вуз, Татарчуков ушел из ВГУ и работал во вновь возникавших (иногда на короткий срок) институтах – потребительской кооперации, плано-экономическом, народно-хозяйственного учета, в НИИ потребкооперации.

Но памятливая власть не могла простить профессору былой меньшевизм. Его арестовывали в 1918, 1919, 1923, 1931 годах, но спустя неделю-другую он возвращался к своим делам. Арест 9 июня 1937 года оказался последним. Татарчуков стал одним из двенадцати обвиняемых в создании меньшевистско-эсеровской контрреволюционной организации (ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 10057). Подробно об этом деле и обо всех жертвах репрессий я уже пи-

сал в сборнике «Воронежцы в тисках сталинщины» (1992), повторяться не буду, скажу лишь, что 26 октября 1937 года «тройка» приговорила десятерых к высшей мере наказания, двоих – к десяти годам лагерей. Два дня спустя Александр Николаевич Татарчуков был расстрелян, очевидно, это произошло в пригородной Дубовке. Реабилитированы все они в августе 1956 года.

...Татарчуков в начале 1930-х годов написал шуточную поэму, стилизовав ее под главы пушкинской поэмы «Евгений Онегин». Он не был столь талантлив, как его коллега по ВГУ Николай Самбкин, поэма целиком производит нудное впечатление, но начальные строфы я все же приведу.

*На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн.
И думал он: Построим тут
Товароведный институт.
Природой здесь нам суждено
В науку прорубить окно.
Мы здесь невежество поборем.
Сюда по новым по путям
Все флаги будут в гости к нам
И запируем на просторе.
Прошли года, просторный дом –
Полночных стран краса и диво –
Вознесся пышно, горделиво
Над разгороженным двором.
Хоть нет петровских кораблей,
Но мощь высоких этажей
И зданий спящие громады,
И ширь дворовой эспланады
Нам взор пленяют, и светла
Антенны новая игла.
Центросоюзово творенье!
Люблю твой строгий стройный вид,
Резных ворот возникновенье,
Оград исправленных гранит.
Мрак длинных темных коридоров,
В них вечный ропот разговоров.
Бодрящий холод кабинетов,
В аудиториях мороз,
Девичьи лица ярче роз
В косынках, шапках и беретах,
У расписанья кутерьму,
Распоряжения УМУ,
Методики в огромных папках,
Инструкции в больших охапках.
Твой клуб, наполненный людьми –
Мужьями, женами, детьми.
Веселой речи водопад
И блеск твоих Олимпиад...*

Автор благодарит историка Татьяну Шор (Тарту, Эстония) за помощь в подготовке очерка о Г.И. Коппеле.